

В адмиральшах Люська проходила ровно пять лет. В день ее рождения, когда у нее дома дым стоял коромыслом от шумного веселья гуляющих, с ее благоверным толстячком случился удар. Он вдруг побледнел, изогнулся и грохнулся на пол. Гости бросились к нему на помощь, но тщетно: адмирал тут же испустил дух. Видимо загубили его крепкие напитки, обжираловка, молодухи-любовницы, служебные неурядицы и изменчивая Люськина любовь. Хоронили его с адмиральскими почестями: гроб везли на бронетранспортере, оркестр оглашал окрестность траурной музыкой, матросы отсалютовали трехкратным залпом над его могилой, и осталась молодая вдова одной в пятикомнатной квартире с тридцати процентной адмиральской пенсией. Впрочем, ее вскоре попросили освободить эту служебную квартиру и переселили в двухкомнатную. Люська сильно переживала свое падение. Еще бы. Лишиться персональной машины, эротических услуг молодого щеголеватого адъютанта, большой адмиральской зарплаты, завтрака в постели и любовника к ужину было выше ее сил. Теперь она не могла командовать военторгом, как своей вотчиной, у нее сняли оперативный телефон, оставив только городской. И все эти тыловские «гниды», словно мстя ей, тут же забыли о своих обещаниях и стали плевать на ее просьбы. Но Люська не была бы Люськой, если бы так просто смирилась со своим новым положением. (Специально для Милосская!...

Он мигом скинул плавки и забрался к ней, расплескивая побежавшую через край ароматную воду. Они лежали валетом. Он вытянул ногу, ища дорогу между ее ног. Она сжала ее ляжками, но он был неумолим. Вот он добрался до ее «Сокровища» и стал пальцами ноги искать вход.

— Ниже, ниже, — простонала она.

— Есть! Товарищ корректировщик, — засмеялся он, и они поняли, что некая стена сдержанности между ними рухнула, возникло чувство близости, словно они уже очень давно знали друг друга.

— Не будем форсировать события, но я обещал даме потерять спинку. Прошу, мадам, вас встать, повернуться, упереться руками вот в эту ручку и держаться покрепче.

Она встала, ухватилась за ручку, висевшую горизонтально на стене на расстоянии метра от пола ванной комнаты. Она сначала подумала, что это вешалка для полотенца и мочалок. Он быстро намылил мочалку, поелозил мылом по ее спине и начал потихоньку тереть мочалкой. Он видел, как ее ягодички тихо подрагивали в такт его движениям. Он так нежно работал мочалкой, словно боялся сломать это хрупкое, прекрасное существо. Поэтому другой рукой он поддерживал ладонью ее упругую грудь, не допуская большого прогиба позвоночника. Когда она покрылась белой душистой пеной, он объявил:

— Теперь банщика натрем...

Она скосила взгляд и обмерла. Между его ног торчало что-то толстое, красное, длинное и все в белой пене. Поехали! — весело объявил он, и она почувствовало, как это «бревно», которое торчало между его ног, медленно, но уверенно заползает ей в зад. Она растерялась, хотела отстраниться от него, но он железными тисками сжимал ее ягодички, не давая им возможности пошевелиться.

«Боже! Он же порвет меня!» — испугалась Люська и хотела повернуть голову, чтобы осадить мужчину, но было уже поздно. Громадный член вошел в ее анал, и она уже не думала о боли,

словно изучала предмет любви. Он с силой еще раз насадил ее на себя так, что где-то внизу раздалось знакомое «Чмок». «Неужели он гомик?!» — мелькнула мысль, не раз слышавшая истории, как подводники развлекаются в длительных автономках.

— Вы, Николай Иванович, наверное, не туда попали? — осторожно спросила она и тут же попыталась вывернуть зад, но он больно ударил рукой по ее нежному бедру:

— Стоять, сука! Кобель еще не сделал своего дела...

«Боже! Какой хам! Мой папашка был куда вежливее, Тот вымаливал любовь, а этот...», — в страхе подумала она и сдалась на милость победителя, решив будь, что будет. Но где-то в глубине души она почувствовала, что именно этой грубости она почему-то и ждала от него. Ей вообще нравились настоящие самцы: грубые, требовательные, страстные, а не жалкие хлюпики, конючившие у ее ног. Он продолжал работать и на каждый его качек ее анал отвечал: Хлюп! Хлюп! Хлюп! Она почувствовала, как где-то спереди, внизу, между ног, там, где должен быть его член, у нее зарождается жгучее желание.

— Спереди хочу! — едва простонала она.

— Успеется. У нас еще вся ночь впереди...

Он продолжал сильно бить ей в зад своим тазом. Она даже чувствовала удары его мошонки. «Какие у него упругие яйца, коль так лупит», — подумала она, но разглядеть ничего не могла. Он продолжал работать сильными рывками. Сначала медленно, едва ощутимо, вводил член, а затем быстрым, сильным ударом завершал качек. Она знала: это был «кабаний» удар.

— Да! Да! Да! — откликнулась она на каждый такой удар, словно призывала партнера быть неумолимым.

«Каких же размеров у него член? Видела я всякое, но такого!» — стучала мысль в ее голове, «Ну и вяпалась я! Этот так будет меня драть, что и любовники не потребуются», — с досадой думала она, а сама еще сильнее подмахивала ему тазом. Он согнул ее почти пополам. Теперь она упиралась обеими руками в край ванны. Он так поддавал ей снизу, что зад подбрасывало вверх». «Боже! Когда же кончится этот баскетбол?!» — молилась она, уже совершив несколько оргазмов и чувствуя, что может умереть прямо на его члене. «Врешь! Не умрешь! Такую породистую кобылку надо драть и драть! Иначе в раз от рук отобьется», — думал он, заканчивая очередной удар... .. Через час он почувствовал, что готов подарить ей свою струю. Он еще несколько раз качнул, затем изо всей силы прижал к себе ее таз. Член сидел очень плотно. Его «рвало». Николай Иванович покачнулся и сразу как-то весь обмяк. Через пару минут он вынул член, заботливо ополоснул его и вытер полотенцем. Люська икала. Она все еще ощущала в себе его «Удава».

— Извините, Людмила Константиновна, если что-то не так, — нагнулся он, надевая плавки.

— Что вы, Николай Иванович! Я не в претензии. Можно было бы и сильнее, но все и так было тип-топ. Мне так понравилась ваша хвойная ванна, — ответила гостя и опять плюхнулась в воду.

«Неужели я не удовлетворил тебя, ненасытная тварь?!», — подумал он.

«Неужели я не удивила тебя своей стойкостью, козел?!», — подумала она. ... Ночью он проснулся. Она почему-то не спала. Лежала с открытыми глазами, уперев их в потолок.

— Ты чего не спишь, Лю? — приподнялся он, взял из коробки сигарету, чиркнул зажигалкой.

— Теперь ты будешь курить только на балконе, — жестко ответила она.

— Что так? Дым не переносишь?

— Угу. Не переносу, когда дымят на ложе любви.

Он обнял ее за шею, притянул к себе, поцеловал.

— А я, между прочим, я, как только увидел тебя в театре, то сразу определил, чего ты хочешь.

— Долго же ты соображал, коль потянул меня в этот зачуханный бар. Меня надо было сразу тянуть в постель и всю ночь натягивать. А ты через час скис...

— Еще не вечер. А ну-ка, милая, раздвинь ножки...

— Пусть твой «петушок» сначала прокукарекает, — прыснула она в кулачок.

— Он давно уже прокукарекал...

Она протянула руку, пощупала: «Мой бог! Да, разве это человеческий орган?! Уж не у слона ли он его занял?», — подумала она и отдернула ладошку.

— Слушай! А твоя жена не от него кончилась? — спросила она, вновь протянула руку, погладила головку, раскрыв ее.

— А как ты догадалась? Я соврал тебе. Мне было стыдно сказать, что это я ее загнал. После одной из автономок я драл ее всю ночь. Утром я так засадил ей в рот, что она чуть не задохнулась. А потом она сама завелась так, какой раньше я ее никогда не видел. Забралась сверху и поскакала. Но «уехала» недалеко. Я осатанел и ударил ей со всей силы. Член вошел по самые яйца, чего раньше мы не допускали. Там что-то лопнуло. Пока «Скорая» приехала, она кровью изошла. И я ничем не смог помочь ей. Вот почему я трахал тебя в зад...

— Бедняжка. Пала смертью храбрых на сексуальном поле брани, — иронически усмехнулась Люська.

— Тогда что? Попробуем в передок? — он обнял ее за талию и навалил на себя.

— Угу. Только не рассчитывай на легкую победу. В этом деле тебе меня не одолеть... Люська поудобнее устроилась сверху, обняла его великана маленькой ладошкой и тихонько стала вправлять в себя. Через пару минут «Великан» утонул в ее «Марианской» впадине.

— Поехали? — спросила она.

— Погнали, — ответил он.

И они окунулись в омут сладостной, бешеной скачки. Через пару часов он отмывал в ванной свой посиневший, ободранный член и думал: «Ну, и баба! У нее что, наждак там, что ли?»